

**РЕГУЛЯТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ХАОС»
В ПОЭМЕ М. ВОЛОШИНА «ПУТЯМИ КАИНА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТЕЙ «МАГИЯ», «ПОРОХ», «ПАР», «МАШИНА»)**

Статья посвящена изучению регулятивных лексических структур, актуализирующих ключевой концепт «хаос» в поэме М. А. Волошина «Путями Каина». Исследование выполнено на материале частей «Магия», «Порох», «Пар», «Машина», объединенных идеей покорения человеком природы и стихий. С учетом этого определена роль использованных автором регулятивных средств и структур в выражении глубинного смысла произведения и его прагматики.

Ключевые слова: хаос, концепт, художественный текст, лексическая регулятивность.

The article is devoted to studying of the regulative lexical structures that make the key concept «chaos» actual in the poem «In Cain`s ways» by M. A. Voloshin.

Such parts of the poem as «Magic», «Gunpowder», «Steam», «Machine» were used in the research work. The idea that unites these parts is man`s conquering of nature and element. Taking all these into consideration the role of the regulative means and structures expressing the deep sense of the poem and its pragmatic was defined.

Keywords: chaos, concept, fictional text, lexical regulativity.

Поэма М. А. Волошина «Путями Каина» относится к числу наиболее значительных и наименее изученных произведений русской литературы начала XX в. Текст отражает глобальное осмысление прогресса и различных его достижений как плодов материальной культуры, созданной человеком, ступившим на путь Каина, связанный с братоубийством и насилием. Однако это и эволюция через хаос как источник-стимул всего внутри и вовне человека. Каждый человек выбирает свою дорогу, но кто решает, что она правильная? Что лучше: подчиняться установленному порядку вещей или через страдание и разрушение найти истинное и обрести свободу? Именно эти вопросы лежат в основе осмысления истории эволюции человечества, вехи которой с беспощадной честностью отразил М. А. Волошин в своей поэме «Путями Каина», у которой есть и другое название – «Трагедия материальной культуры».

Работа над фрагментами поэмы началась еще в 1915 г., окончательный ее вариант

был оформлен к 1926 г. Автор не просто по-новому взглянул на библейскую историю Каина, но и проанализировал сущностный смысл человека и то, что происходило и будет происходить в мироздании и современном обществе. Начало века – это совершенно особое время, которое можно назвать духовным и материальным Апокалипсисом: духовный кризис общества, поражение в русско-японской войне, фактический крах первой русской революции 1905 г., Первая мировая война, затем снова революция и гражданская война. Все это – путь страны и ее народа, обескровленного и страдающего от выбора, сделанного большинством или меньшинством. Так или иначе, это трагедия, но в ней есть и импульс к качественно иному развитию. По своей сути и метафорическому осмыслению М. А. Волошина это, действительно, «путь Каина».

В статье дан анализ художественных особенностей произведения, их роли в выражении концептуального смысла текста и его прагматики. Теоретической основой исследова-

дования является теория регулятивности, разработанная в коммуникативной стилистике текста Н. С. Болотновой [1998; 2003; 2006], а также в соавторстве с ее учениками И. И. Бабенко, А. А. Васильевой и др. [2001]. Под регулятивностью понимается системное качество текста, отражающее его способность, воздействуя на читателя, направлять его познавательную деятельность [Сидоров, 1987].

В рамках теории регулятивности выделяются: 1) регулятивные средства на уровне элементов текста (тропы, фигуры, ключевые слова, названия), соотносящихся в сознании читателя с определенной микроцелью; 2) регулятивные структуры (регулятивы), отражающие взаимосвязь регулятивных средств (стилистические приемы, текстовые парадигмы; типы выдвижения); 3) доминанты регулятивности (преобладающие регулятивные средства одного типа); 4) регулятивная макроструктура (отражающая взаимосвязь разных регулятивных структур в рамках целого текста); 5) способы регулятивности (принципы организации интерпретационной деятельности читателя); 6) регулятивные стратегии (разные типы целевых программ, направленных на сотворчество автора с читателем). Лексические регулятивные средства и структуры являются ключевыми в воздействии на читателя (кроме указанных выше исследований по коммуникативной стилистике текста, см. также работы Н. Г. Петровой [1998; 2000], Т. Е. Яцуга [2006], Ю. Е. Бочкаревой [2007] и др.). Это связано с ведущей ролью слова в выражении смысла и создании эстетического эффекта.

Использование теории регулятивности для изучения концептуального смысла произведения и отдельных ключевых концептов является эффективным, так как дает возможность системного анализа средств их репрезентации и выявления коммуникативного эффекта на основе приемов интроспекции, контекстологического анализа и проведения экспериментов в случае необходимости.

Одним из ключевых в поэме «Путями Каина» является концепт «хаос», системно связывающий разные ее части, их тематику и проблематику. Они объединены идейно-тематическими повторами, позволяющими раскрыть разные грани концепта «хаос». Текст поэмы представляет собой многомер-

ную структуру, развертывающуюся по спирали: основные идеи и темы первых частей получают свое развитие далее и итоговое завершение – в заключительных частях произведения. Так, акт творения мира из хаоса, образно представленный в первой части поэмы «Мятеж», отражен в одиннадцатой части «Космос». Мотив хаоса в душе человека (внутренний хаос) представлен во второй части «Огонь», в девятой части «Бунтовщик», двенадцатой части «Таноб», четырнадцатой части «Левиафан», пятнадцатой части «Суд». По-разному проявляясь, хаос творит, разрушает, и человек созерцает бездну внутри себя.

Идея покорения человеком природы и стихий (преодоления хаоса и попытки утвердить порядок) раскрыта в четырех частях поэмы: третьей («Магия»), шестой («Порох»), седьмой («Пар»), восьмой («Машина»). Наибольшее воплощение в поэме М. А. Волошина получило осмысление социального хаоса как ужаса и краха цивилизации, связанного с мятежом, революциями, войнами. Этому посвящено восемь частей поэмы: вторая часть «Огонь», четвертая – «Кулак», пятая – «Меч», шестая – «Порох», девятая – «Бунтовщик», десятая – «Война», тринадцатая – «Государство», четырнадцатая – «Левиафан».

Каждый блок названных частей поэмы, отражающий определенные направления ассоциирования в раскрытии концепта «хаос», может быть предметом специального рассмотрения. Мы остановимся на мотиве преодоления хаоса и утверждения порядка, раскрываемом в четырех частях поэмы: «Магия», «Порох», «Пар», «Машина». Эти части отражают этапы изобретения человеком различных способов защиты от стихии хаоса. Хаос можно рассматривать как необъяснимое, непознанное и сверхъестественное, скрытое в глубинах подсознания человека и человечества. Об этом пишет М. А. Волошин: *«Освободить и разнудать не трудно / Неведомые дремлющие воли: / Трудней заставить их себе повиноваться»*. Данный афоризм означает трудность управления стихиями. Хаос рассматривается автором как разрушительная потенция во всем, что существует. Личность, ее сознание и подсознание представляют собой целый мир, достаточно полный и уникальный. Важно, что человек – это, с одной стороны, материальная сущность, имеющая непосредственную оболоч-

ку – тело, а с другой – душа, или пневма, частица божественного духа, составляющего внутреннюю природу живого и наполняющего материю. Человек неотделим от общества, как его душа от его тела.

М. Волошин осознает мир как место, в котором правят различные тайные и явные стихии: *«Когда разъятые потом сознанием силы / Ему являлись в подлинных обликах / И он вступал в борьбу и в договоры / С живыми волями, что раздували / Его очаг, вращали колесо, / Целили плоть, указывали воду, / –Тогда он знал, как можно приневолить / Себе служить Ундин и Саламандр, / И сам в себе старался одолеть / Их слабости и страсти»*.

Автор использует символы стихий Огня и Воды (*Ундины и Саламандры*), с которыми вступает «в борьбу и договоры» человек, преодолевая «их слабости и страсти» (с помощью индивидуально-авторских синонимов *слабость и страсть* образно отражается внутренний хаос в душе). Другим синонимом хаоса являются стихии: *«Когда пред ним стихии разложились / На вес и на число — он позабыл, / Что в обезбоженной природе живы / Все те же силы, что овладевают / И волей и страстями человека»*.

Общество создает основы культуры и приобщает к ним личность через воспитание и средства познания. Человек одержим многими желаниями в силу разных начал своей внутренней организации, их диалектическое взаимодействие влечет потребность к развитию и одновременно содержит желание пересоздавать и как следствие – разрушать созданное. Хаос в обществе, стимулированный прогрессом, сравнивается М. Волошиным с хаосом в природе, рожденным стихиями: *«Бесы пустынь, самумов, ураганов / Ликуют в вихрях взрывов, / Дремлют в минах / И сотрясают моторы машин, / Ундины рек и Никсы водопадов / Работают в турбинах и котлах»*. Вихри взрывов предстают в поэме как синоним хаоса, рожденного прогрессом.

Природа, преображенная и измененная человеком и на его благо, хранит отголоски прежних мифов и легенд; стихия, преображенная в порядок, по мысли автора, находится в хрупком равновесии, которое может породить хаос в обществе: *«Меж духами стихий и человеком / Не угасает тот же древний спор, / Что человек, освобождая*

силы / Извечных равновесий вещества, / Сам делается в их руках игрушкой».

Магия трактуется М. Волошиным как нечто ирреальное и сверхъестественное, содержащее сущностный мотив хаоса, дающий силу, но и способный подчинить и захватить того, кто обращается к этой силе. Магия, шаманизм, культы богов и демонов, всевозможных духов природы – это потребность сложных и, скорее всего, бессознательных стремлений понять и объяснить себя и окружающий мир. Магия – это поиск соломинки, ухватившись за которую, можно спастись от вечной неопределенности и непредсказуемости жизни как нелинейного процесса, где человек лишь заложник жизненных обстоятельств своего времени. В этом отношении совершенно не имеет значения, идет ли речь о человеке на заре его существования или же о человеке начала XXI в. Наука, основное средство технического прогресса, превращается в чудесную силу прошлого – магию, дающую силу и власть над природой.

Идею части «Магия», на наш взгляд, можно определить как «искусство подчинять духовной воле косную природу». *Извечные равновесия вещества* косвенно отображают хаос как источник равновесия, а человек, верящий только в свои силы и увлеченный своим призрачным могуществом, забывает о том, что силы вещества не подчиняются законам общества. М. А. Волошин подчеркивает, что бездуховность является одной из граней трагедии материальной культуры. То, что раньше останавливало человека (вера в сакральность, непознаваемость мира и природы), теперь забыто. Человек сам решает, во что ему верить, являясь творцом и заложником того, что он создает: *«Но люди неразумны. Потому / Законы жизни вписаны не в книгах, / А выкованы в дулах и клинках, / В орудьях истребления и машинах»*. Человек, считает автор, – создатель, творец, но он же и разрушитель и убийца всего живого. Он рождает социальный хаос. Магия превращается в науку, а она служит истреблению людей, вместо того, чтобы развивать духовность.

Логическим продолжением в осмыслении прогресса как средства защиты от хаоса и одновременно средства его порождения является часть «Порох». Порох стал оружием и символом разрушения, тем, что способно разрушить горы и стереть с лица Земли цивилизации. Инстинкт разрушения

модернизировал порох, заменив его на более совершенную взрывчатку – динамит, который сравним только с призраком Апокалипсиса – ядерным взрывом или взрывом звезды – сверхновой, дающей начало новой Вселенной. Человек способен уничтожить все живое и пересоздать Вселенную. Совершенствуя порядок, он во власти желаний и инстинктов только приближает хаос и становится его жертвой – такая мысль возникает при чтении произведения.

Порох представлен в поэме как символ стихии, как частичка хаоса «под призрачным контролем человека»: *«Черный порох в мире был предтечей / Иных еще властительнейших сил»*. Автор персонифицирует порох, образно подчеркивает его силу, которая несет разрушения и одновременно объединяет людей: *«Он вынудил разрозненные толпы / Сомкнуть ряды, собраться для удара»*. Прием антитезы и использование синонимов создает в данном случае особый прагматический эффект. Удачно применяется в этой части поэмы синтаксический тип регулятивности: прием синтаксического параллелизма создает особый ритм и выполняет смыслообразующую функцию – усиливает идею порядка: *«Он дал ружью – прицел, / Стволу – нарез, / Солдатам – строй, / Героям – дисциплину, / Он распахнул им дверь, / И вот мы на пороге / Клубящейся неимоверной ночи, / И видим облики чудовищных теней, / Неназванных, немислимых, которым / Поручено грядущее земли»*. Благодаря развернутой индивидуально-авторской метафоре, создающей образ предстоящего Апокалипсиса, предшествующего хаосу; ярким эпитетам и эвфемизму, олицетворяющему Зло (*облики чудовищных теней, / Неназванных, немислимых*), создается мрачная картина будущего.

Тема хаоса, создаваемого техническим прогрессом, продолжена в седьмой части поэмы «Пар»: *«Свист, грохот, лязг, движение – заглушили / Живую человеческую речь, / Немислимыми сделали молитву, / Беседу, размышленье; превратили / Царя вселенной в смазчика колес»*. Пар – это особое состояние воды и огня, то, что оживляет машины. Двигатель создан для работы механизмов, а пар – это дух или душа механизмов. Паровая энергия – энергия самой природы, которую человек научился применять и подчинять своим далеко идущим целям. Но

техника изменила и человека, превратившись из *«Царя вселенной в смазчика колес»*.

Эта же мысль подчеркивается автором в восьмой части поэмы – «Машины». Основная идея ее – технический прогресс уничтожает душу человека, превращает его в раба и часть механизма. При этом автор использует прием антитезы, противопоставляя *«древние равновесья»* (гармонию) хаосу прогресса: *«Пока рука давила на рычаг, / А воды вращали мельничное колесо – / Их силы / Не нарушали древних равновесий. / Но человек к извечным тайнам подобрал ключи / И выпустил плененных исполинов»*.

Создавая новый мир своими руками, человек подобен Богу, а вся планета – фабрика, заводу, мастерской, где прогресс так же опасен, как регресс, ибо приводит к войнам, противоборствам и подавлению. Машина предстает как главная опасность для живого, так как лишена души, а человек – не Бог, но создатель и слуга своих творений. Хозяин природы, как он себя считает, превращается в заложника машины, которая похожа на своего творца только одним: способностью, разрушая, творить и неспособностью остановиться на достигнутом.

Основным типом выдвижения в этой части поэмы является *конвергенция* как способ регулятивности: машины олицетворяются, их действия гиперболизируются, в их характеристике используются сравнения, метафорические перифразы, эпитеты, авторские определения, синекдоха; для усиления эффекта используется синтаксический параллелизм.

Среди регулятивных средств преобладают олицетворение (персонификация) и синтаксический параллелизм как регулятивная структура. Сравним олицетворение машины и сопоставление ее с человеком: *«Как нет изобретателя, который, / Чертя машину, ею не мечтал / Облагодетельствовать человека, / Так нет машины, не принесшей в мир / Тягчайшей нищеты / И новых видов рабства»*.

Машины называются автором *«плененными исполинами»*, они сравниваются *«со стихийными демонами, разнуданными рабами»*. Мощь, сила машин подчеркивается яркими регулятивными средствами и структурами: не только многочисленными персонификациями, сравнениями, но и инверсией и синтаксическим параллелизмом: *«Как ученик волшебника, призвавший / Стихий-*

ных демонов, / Не мог замкнуть разверстых ими хлябей / И был затоплен с домом и селеньем – / Так человек не в силах удержатъ / Неистовства машины: рычаги / Сгибают локти, вертятся колеса, / Скользят ремни, пылают недра фабрик, / И, содрогаясь в непрерывной спазме, / Стальные чрева мечут, как икру, / Однообразные ненужные предметы <...>/».

По мнению М. А. Волошина, человек бессилён перед натиском машин: «И нет возможности / Остановить их ярость, / Ни обуздать разнузданных рабов». Итогом этого является то, что все стихии «ополчились против человека»: «В заоблачных высотах: / Земля и воды, воздух и огонь – / Все ополчилось против человека». Автор вновь и вновь подчеркивает, иронизируя, что чем больше развивается прогресс, тем больше кризис духовности: «И нищий с оскопленной душой, / С охолощенным мозгом торжествует / Триумф культуры, мысли и труда».

В целом концепт «хаос» многомерен, системно объединяя разные части поэмы в единую сложную регулятивную структуру, которая образно отражает историю эволюции жизни людей и предлагает своеобразную интерпретацию библейского сюжета и его развитие. Рассмотренные части поэмы раскрывают следующие смыслы: подчинение неодолимых стихий в части «Магия»; обуздание огня, заключенного в порохе («Порох»); сотворение человеком новой стихии от соприкосновения огня и воды («Пар»); стремление человека стать равным Богу сотворцом мира («Машина»). С точки зрения современного читателя, все это предвосхитило будущее, дав понять, что хаос есть начало и конец всего, а человек может только пребывать в иллюзиях контроля над ним. Вопреки общепринятому мнению, хаос и порядок, согласно концепции автора, внутренне связаны потому, что *одно проистекает из другого*. Хаос – первоэлемент бытия, а порядок или контроль человека над ним – это химеры. Трагедия же в том, что, осознавая прогресс материальной культуры, человек смотрит себе в душу и видит там бездну еще более страшную.

Текст поэмы насыщен изобразительно-выразительными средствами до предела: почти каждое слово, каждый образ в поэме – это символ по своей сути. Автору присуща особая афористичность. Из регулятивных средств и структур доминируют олицетворения, нередко осложненные гиперболизацией, сравнения, развернутые метафоры, осложненные авторскими эпитетами, синонимами. Поэма представляет собой уникальный сплав философской мысли и поэтического таланта М. А. Волошина.

Список литературы

Болотнова Н. С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. 1998. Вып. 7: Opole, 1998. С. 179–189.

Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: Коллект. монография. Томск, 2001. 331 с.

Болотнова Н. С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 328–331.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск, 2006. 631 с.

Бочкарева Ю. Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М. И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 23 с.

Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 1998. Вып. 6. С. 23–29.

Петрова Н. Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 23 с.

Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.

Яцуга Т. Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Гиппиус: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 30 с.

Материал поступил в редколлегию 15.12.2007